

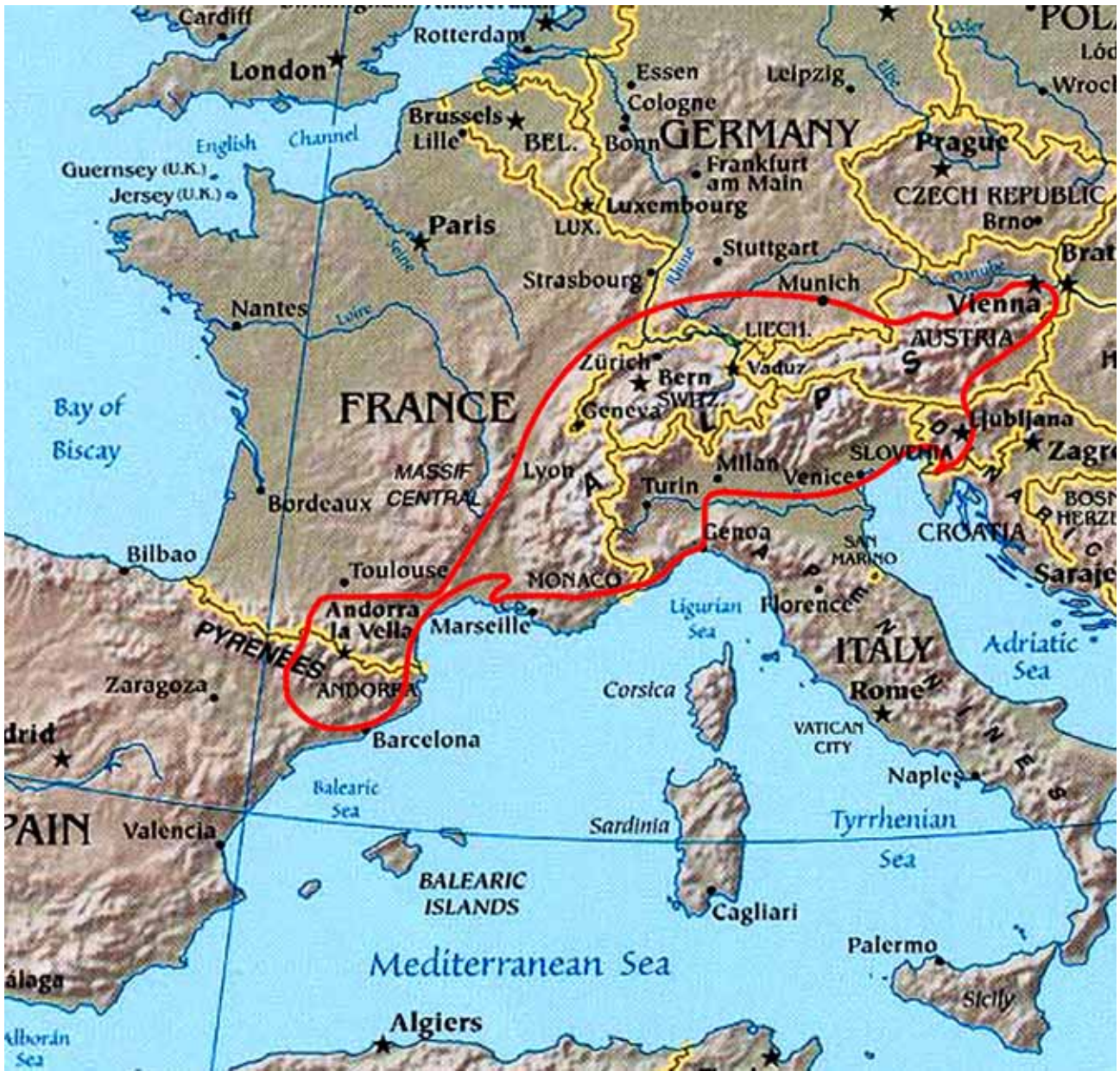
Евгений Плоткин

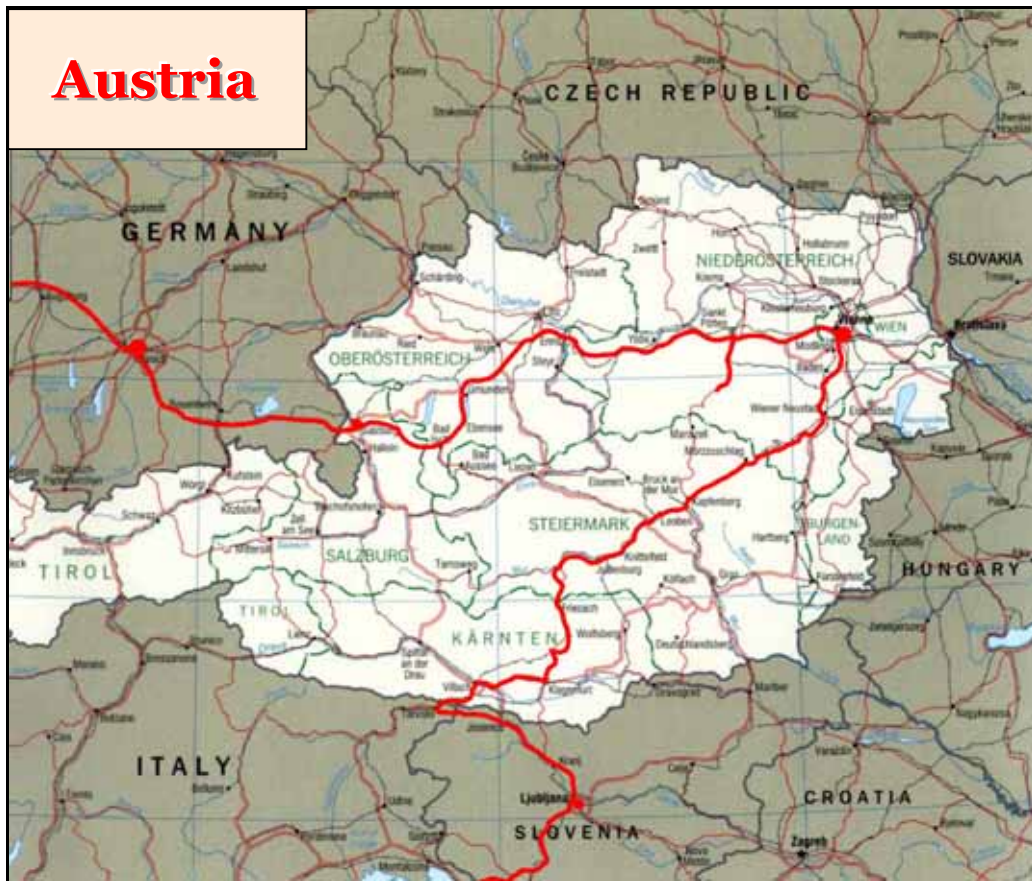
Европа-2003

(Германия - Австрия - Словения - Италия - Франция - Испания)

EUROPE

ЕВРОПА-2003

(Германия – Австрия – Словения – Италия – Франция – Испания)

Вот и снова Мюнхен. Это чужой город, но здесь начинаются дороги, здесь вся Европа становится доступной, здесь живут друзья.

В этот раз нас было восемь человек. Хорошее число, располагающее к комфорту и аренде двух машин. Рент надо делать в Мюнхене – дешево, и есть шанс получить по *upgrade* какое-либо деликатесное автомобильное чудо. Чудо таилось под маской заказанной "Опель-Астры" и называлось "Опель-Сигнум". Здоровенная машина с GPS-навигатором, сенсорами и прочими созданиями чуждого нам немецкого разума. Сенсоры были чувствительными, как барышни на выданье, и верещали дурными голосами от каждой пробегающей поблизости собаки. Навигатор был изысканно интеллектуален и мог все – жаль, мы его не включали до предпоследнего дня. Вместо кондиционера было встроено нечто, что должно было создавать внутри любой климат – кроме, разве что, психологического. Ну, это будет, наверное, в следующей модели...

туален и мог все – жаль, мы его не включали до предпоследнего дня. Вместо кондиционера было встроено нечто, что должно было создавать внутри любой климат – кроме, разве что, психологического. Ну, это будет, наверное, в следующей модели...

Из Мюнхена полагается ехать в Австрию. Для начала – в Зальцбург. Зальцбург напоминает пряник внутри елочной игрушки. Он совершенных форм, и даже атмосфера в нем гармонична и слегка статична. Хорош, зараза, несмотря на неуловимый налет имперского чванства. В городе полно лошадей, живых и каменных, и, перефразируя классика – даже у них австрийские морды. Чего нельзя сказать о прохожих, так как это, в основном, туристы. Каждому приезжающему в Зальцбург полагается хоть как-то прислониться к славе Моцарта. Моцарт в Зальцбурге растиражирован, переделан в пирожные, ликеры, дома и соборы. Но если отвлечься от цинизма туристической суеты, то... есть в соборном садике, прижавшемся к скале, одно дерево – не дерево – чудо, которое раскинуло ветви, как дирижер в музыкальном антре, и –

*"...и березовые ветви вместо пальцев у него,
и глаза его березовые струги и печальны..."*

Из Зальцбурга ведет в Вену несколько дорог. Мы поехали через озерный край – это самая длинная, но, наверное, и самая умиротворяющая дорога. Кругом горы, вода, лебеди, тишина...

В эту ночь в районе Св. Полтена была дикая стоянка – т.е. просто кинули палатки на берегу горной речушки. Все речушки в Австрии полны форели, и если подойти к этому с умом... Так что к Вене у нас была уже малосольная форель, и если бы не два здоровенных туземных гея, которые резвились на берегу так, что распугали всю рыбу, то была бы еще и уха.

Вена начинается с кемпинга, недорогого и уютного. Конечно, это хитрость старого антрепренера, знающего, как завлечь публику. На самом деле Вена знает себе цену, и цена эта немалая. Ну, и не зря – из всех городов Европы она, видимо, самая стильная. Над другими великими городами витает налет эклектичности, Вена же похожа на уса-

того офицера во время послепарадного отдыха. Центр города до неприличия чистый, решетки сияют вчерашней позолотой, а из кафе идет правильный дух.

Кстати, о кафе. Вена без кафе – конечно же, не Вена, исторических кафе много, и можно выбрать, что кому больше по душе. Фрейд, Кокошка, Климт, Наби, Мюзиль или, на худой конец, знатные марксисты – все пили здесь когда-то кофе, попутно занимаясь чем-нибудь историческим.

Мы выбрали кафе "Империал" – там любил бывать Рильке. Кафе помнит свое прошлое: стулья – с длинными спинками и кривыми крепкими ногами – рассчитаны на прямоходящих усатых сапиенсов во фраках и котелках, столы покрыты льняными скатертями и выражают нескрываемое презрение ко всему синтетическому, на стенах висят линогравюры, дагерротипы, акварели. В углу же сидел живой артефакт – обычный венец с чашкой кофе и утренней газетой, перепутавший, по крайней мере, век...

*...Кто вы такой? Откуда вы?
Ах я, смешной человек,
Просто вы дверь перепутали,
Улицу, город и век...*

Во всем зале мы были с ним тет-а-тет, но, к сожалению, он нас не заметил – все-таки век между нами... это много.

В любом достойном месте, кроме хлеба и зрелищ, должен быть еще один аттракцион – туалет. В венском кафе и туалет был венский – пахло духами, играла тихая музыка (Гайдн?.. музыканты уходят...), все вокруг в зеркалах... Рекомендую Венскую рулетку: комната, четыре зеркальных стены и четыре писсуара, два из них настоящих... Стрелять один раз!

Вена на самом деле изумительна, и уезжать было жалко. Но дольше – это уже другой вариант осмотра: музеи, парки, дворцы. Очень хотелось сходить в Альбертину и в Венский музей, но... Нельзя объять необъятного, хоть стремиться к этому и нужно... Поэтому из Вены мы махнули в Словению.

В Словении живут южные славяне. Видимо, они не чувствуют всех тонкостей русского языка, иначе первый город на границе с Австрией не был бы назван Блед, озеро – Бледским, а деревушка с речушкой по соседству – Бледице. Вообще, словенский язык звучит, как чистая музыка: самолет – "летало", водитель – "водило", рюкзак – "на-хребетник". Все обороты с "вельмо", "зело" и "лепо просимо" уносят во времена "гой еси добрых молодцев". Заднее ущелье называется

"Задница", а переднее мы так и не нашли на карте...

Удивительная вещь – язык! На иврите фраза "ани мудаг ше ани хибадти чек дахуй" означает в точности: "я обеспокоен, что потерял отсроченный чек". Но это – ивритяне... А тут, в Словении, такое выдается, можно сказать, легким движением родной мовы. Настоящим ценителям словесности рекомендуется почитать инструкцию:

1. Стисните роцицо (руку) на пипи,
2. Снемите пипо и наместите пипо в...
3. Ко натоците до зелена колицине, спустите роцицо (руку)
4. Це тоците ресервоар на полно, пипа автоматично запре доток...
5. Плацаите...

В общем, "глокая куздра", а делов-то – налить бензина по-словенски...

Многое в Словении малоубедительно: Любляна мила, но как-то буднична и немного провинциальна, возникает ощущение легкой траченности молью задворков столичного великолепия; раскаленное Средиземноморское побережье какое-то карманное и забито народом по самые абрикосы; пейзажи – приятные, но не "ах!"...

Пещеры же просто потрясают. Пещера по-словенски – "яма", и вот это слово важно для всех, кто там бывал. Мы собирались посетить знаменитую приму словенских пещер, Постояну Яму. Это, собственно, не "яма", а много "ям" вместе, соединенных проходами, лазами, реками, сифонами. Всего около 60 километров красивейших подземелий. Где-то там, внутри, живет протей. Как и зачем земноводное выбрало такие экстремальные условия, неясно – видно, природа, как и человек, склонна к мазохизму...

Посмотреть на все это народ валит уже около ста лет, и за это время произросла целая шоу-индустрия подземного туризма. Сначала показывают фильм про жизнь под землей, потом к этой жизни прикасаешься, но быстро, так как сзади уже подпирают, потом показывают протей. "Из зала в зал переходя, здесь движется народ..."

Нам повезло: мы в Постояну Яму не успели. Шел дождь, и мы заночевали в кемпинге посреди карстовых воронок, а утром пошли в

одну из местных пещер – Пивка Яму. Она, конечно, меньше Постоянной, в ней туры бывают всего раз в день, но ведет их отличный профессиональный гид, который понимает и знает, что рассказывает, а главное – чувствует завораживающую красоту каменных форм. Он дал возможность и нам ощутить дух пещеры, ее монументальный и неспешный мир. Жизнь ощущалась как жизнь пещеры. Падали капли с мокрых сталактитов: кап – минута, еще минута – еще кап – время стекало и звучало, отмеряемое нескончаемыми водяными часами. Тишина звала к созерцанию, созерцание – к размышлению, размышление – к тишине. Это было так неожиданно в туристской суете, что осталось незабываемым.

Потом мы смотрели Шкоцианску Яму. Здесь все другое. Сама пещера – это лучшее из виденного мною под землей. Она включена в список Юнеско, и не зря. Внутри пещеры течет бурная река с простым и понятным названием – "Река" (с ударением на "е"). Река-"Река" пробила такое подземное ущелье, какое и на поверхности не часто увидишь. Дух захватывает от этого природного буйства. Так что если бы не омерзительный сервис, то все было бы замечательно. Гидша говорила какие-то слова, но в голове у нее тикал секундомер и падали копейки. В словах не было ни души, ни чувства. Чувство появилось, когда народ попытался пофотографировать – низзя! Девчушка оказалась на самом деле унтером, и до капрала ей никогда не дослужиться... Хотя, может, я и не прав; все-таки вид у нее не злобный, скорее – уставший.

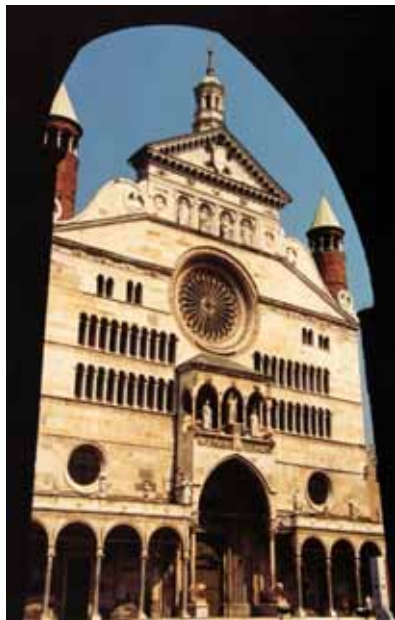
От Словении совсем близко до Италии. Мы остановились в кемпинге напротив Венеции и вечером поплыли через лагуну к городу. Венеция бежала за бортом вдоль лунной дорожки и манила силуэтами церквей и дворцов. Она была так же прекрасна, как и в день первого с ней свидания – и вновь искушала своим очарованием, по-змеиному притягательным и по-женски обманчивым. На самом деле Венеция – город тяжелый, от ее миазмов устаешь и дуреешь. Но в этот приезд мы лишь прикоснулись к ее вечерней красоте – и сразу же сбежали дальше, в Верону, Мантую и Кремону.

В Верону народ едет, чтобы прикоснуться к полированной груди Джульетты, посмотреть на ее же балкон, ну а особые ценители приезжают послушать фестиваль Верди. Грудь и в самом деле что надо, жаль только, металлическая, но на соседней Цветочной площади вся шекспировская драма укладывается в вывеску на пансионе "Ромео+Джульетта" – и после этого нарисована весьма прозаическая кровать...

Самый впечатляющий вид на город открывается с башни замка Петра. Здесь полагается целоваться и (или) грустить, глядя на город. Вид на стремительную Адиджу, на расходящиеся улицы, на силуэты церквей навеивает меланхолию. Город отсюда немного отстраненный и напоминает декорацию в коричневых тонах. Постоите немного под кипарисами, подождите – грусть появится.

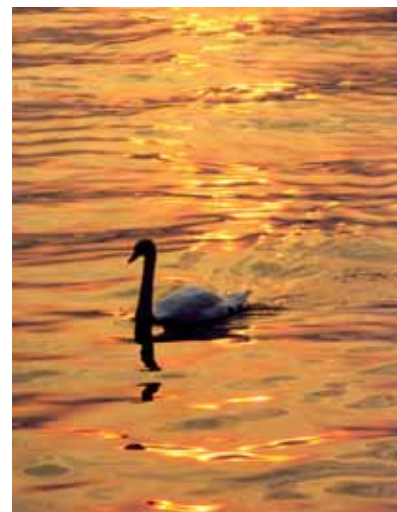
В Мантую давно хотелось заехать. Она же немного разочаровала, уж слишком легко перейти в ней от средневековья к занюханному современному городку. Наверное, надо было не лениться, а пойти в знаменитый Герцогский дворец. Говорят, это необыкновенное зрелище. Я с детства помнил эрмитажную Камею Гонзага – и вот, пожалуйста: целый дворец тех же герцогов. Но цены, цены... да и время... – в следующий раз. В центре Мантуи мы наткнулись на прелестный Собачий Дворец, у дверей стоят каменные псы неизвестной породы. Церберы, наверное...

Кремона – это город скрипки. Здесь жили Страдивари, Амати, Гварнери. На доме Гварнери написано: "Здесь живет лучший скрипичный мастер Италии", на доме Амати – "Здесь живет лучший скрипичный мастер мира", ну, а на доме Страдивари – "Здесь живет лучший скрипичный мастер этой улицы"... Вывеска "Гастроном Страдивари" напомнила о зубной пасте "Ассоль", но где-то здесь Страдивари и в самом деле жил и ходил в центральный собор. Это эклектичное, но величественное строение мажорирует все остальное в городе. Курчавые каменные львы с задумчивыми мордами охраняют вход. Воистину, "поставлены когда-то, а смена..." Внутри прохладно, много воздуха, но интерьер какой-то скуповатый. Зато экстерьер... Это бывает, и не только у соборов.

На озере Лаго ди Гарда, на длинном полуострове, находится средневековый Сан Сирмионе. Слева от города открывается вид на озеро и горы. Солнце висит над ними, низкие лучи оставляют на поверхности воды расплавленную дорожку. По дорожке грациозно и расслабленно плывут лебеди. Так во все времена выглядит идиллия. Поэтому у лебедей шеи длинные, а головки ма-а-аленькие. Какая идиллия может быть с большой головой и короткой шеей?

По полуострову мы дошли до виллы и грота Катутла. Это самая северная сохранившаяся античная вилла Италии. Пейзаж вокруг действительно напоминает отрывок из элегии. Кругом вода, а позади светятся огнями стены замка. По-моему, он вдохновлял кого-то из великих (кроме Катутла). Может быть, Дос Пассоса?.. Не помню, да и неважно.

Следующая после Сирмионе остановка была запланирована под Павией. Мы хотели избежать суетливого Милана и спокойно посмотреть знаменитый цистерцианский монастырь. Первую часть этой идеи удалось реализовать с блеском, но вот со второй вышел казус.

Перепутав выходы с магистральной, мы уткнулись в указатель: "Лос Пенис" – и выразительная стрелка вперед. То есть в переводе с латыни знак недвусмысленно посылал по трехбуквенному адресу. Причем без вариантов, никаких тебе сантиментов, все строго и лаконично, как в уставе. Можно и нужно было ехать назад, но не хватило чувства самосохранения. В итоге ехали долго, пока не увидели чудо за стеной – монастырь. Приехали поздно, и чудо, как и положено, было на замке. Захотелось посмотреть его хотя бы снаружи, и тут началось – комары!.. Карельский гнус там отдыхает. Ря-

дом рисовые чеки, и, видимо, вся эта дрянь жирует и набирается сил на монастырских харчах. Как здесь люди живут, особенно итальянцы с их экспансивностью и легким разгильдяйством – неизвестно. Может, молятся, может, граппу пьют, может, в скафандрах ходят – не знаю. Локальные павийские комары называются в народе "павианы", вылетают они по расписанию и соскучились, наверное, по русско-еврейской кровушке. Говорят, она нужна им для размножения. Интересная порода комаров получится... А нам пришлось плюнуть на монастырские красоты и, матерясь и почесываясь, рвануть в Геную.

Вернее, мы проскочили на автопилоте Геную и отправились в горы над Сан-Ремо. Сам Сан-Ремо – типичная сковородка для любителей обжаренных торсов. Но вот в горах там есть симпатичные кемпинги, да и сами горы красивы и прохладны. Единственный недостаток итальянских кемпингов – их закрывают на шлагбаум часов в 10 вечера. В Америке мало хорошего, но там можно приехать в кемпинг после закрытия, расположиться, а утром

положить в специальную будочку деньги и свалить. Или просто свалить. Вот этого, наверное, и опасаются искушенные в человеческих душах итальянцы. Короче, приехали мы в кемпинг, жизнь там идет, кто-то пьет пиво, мест – навалом, а заехать – черта с два! Такое вот своеобразное гостеприимство. Ну, если задние ворота забыли закрыть, значит заехать все же можно. Это был наш ответ Керзону. И Чемберлену тоже.

Кемпинг какой-то феминистский. Путь в мужской туалет ведет через темное помещение, на котором написано что-то вроде "лютые собаки". В темноте приглушенно урчало, угадывались чьи-то желтые глазки. Ну его к бесу, уж лучше в ближайший лесок... В душе масса надписей типа "Культурные люди не забывают закрыть кран", "Не мойте ноги в ванне для посуды" и прочие сентенции а-ля "Бумагу есть вредно". Такого количества бессмысленных граффити я не встречал даже у немцев и американцев. Ну, у американцев свой стиль, у них все "*unlawful*", т.е. "незаконно". У них бы звучало так: "Незаконно не закрывать кран", "Незаконно ку-

шать бумагу". А для немцев вроде звучит подходяще: "*Achtung!* Бумагу не кушать". Может, хозяин немец?

Утром появился хозяин кемпинга, типичный "*Giovanni*", т.е. Ваня на итальянский манер. Он вращал бровями и что-то говорил "с ударениями". Таких надо сразу же посылать подальше – желательно на незнакомом языке. При этом общий смысл послания – "сам дурак" – должен быть понятен сразу, а частности оставаться за кадром.

Я твердо знал, что по-итальянски "*kretino*" означает то же, что и по-русски, а "*kacone*" не является большой кошкой, а обозначает совсем другой орган. Так что слова для межнационального общения имелись. И темперамент тоже. А смысл? Ночь-то уже прошла, грапой он все равно не угостит, скорее удавится. Пришлось поинтересоваться, желает ли синьор получить деньги за нелегальный ночлег или он желает и дальше выражаться и портить наше настроение. Конечно, если бы "*Giovanni*" мог, съел бы всех нас без соли и перца. Но слова о тугриках нашли нужное место в его запотевших мозгах, обороты сошли на нет, и все встало на свои места – мы изобразили заблудшую паршивую овцу, а он получил свой клочок шерсти.

Доехав до Монако, мы встали на хайвэй и рванули на юг Франции – Камарг, Прованс, Руссилион, Лангедок.

Приехали в Камарг ночью. Ночь была не простая – 14 июля, День взятия Бастилии. Народ гулял от души, в небе над небольшим городком вспыхивал фейерверк, толпа орала совсем как в Первомай. Городок назывался *Aigues Mortes* – вроде бы это что-то потустороннее. Позднее мы в нем побывали. Было замечательно: поднимаешься на средневековые стены и идешь... вверх по лестнице, ведущей вниз – по времени... Но в ночь приезда мы чувствовали себя одинокими и не в своей тарелке. Так всегда бывает, когда приезжаешь ночью в какое-то новое место. Тоска незнакомой темноты.

Между тем, ночевать было решительно негде – и мы устроились прямо на пляже, в палатках, среди дюн. Луна была бесплатным добавлением к антуражу, а ночное купание – бонусом. В пять утра прилетел какой-то вертолет – полицейский, наверное – и нудно завис над головой. Потарахтев минут десять и сделав пару кругов, он улетел, но чувство было, как у Малыша с Карлсоном – что он обязательно вернется.

Под Монпелье находится несколько курортов, в одном из них – Гранд Мотт – оказался кемпинг французского прибрежного типа, весь в олеандрах. Прибрежные кемпинги дорогие и снобистские, там есть строгие правила, сводящиеся к тому, что радоваться жизни после 11 вечера воспрещается, поскольку главная радость – это сон. В первую же ночь из соседнего палаточного домика вылезли две злобно шипящие французские старушки. "...У французского спаниеля лик французского короля..." Эти же – узконосые, тонкогубые и плоскозадые, явно городские мадамы – походили на пару двор-терьеров в ночных рубашках. Тявкали они довольно агрессивно, но... "по-французски я не понимаю, а она по-русски ни фига". И это хорошо, что ни фига... Следующим вечером эти же полу-мадамы заявили позже нас, клюкнутые и благостные. "Собака бывает кусачей только от жизни собачьей..."

Камарг понравился безумно. Это, фактически, огромная дельта Роны, заповедник странных заболоченных земель, озер, дюн. Рядом Прованс, и Ван-Гоговские образы встают силуэтами курчавых тополей. Камарг – земля быков, лошадей, птиц. Черные быки и белые лошади – его символы. Настоящих диких лошадей, видимо, уже нет, но и те, что есть, как будто рождены вместе с пейзажем. У них грустные глаза и свободолюбивая стать. Как это знакомо...

Над болотами висят нырки и стригут воздух. Потом они камнем падают вниз, но, по-моему, постоянно промахиваются. Мелочь, но приятно – значит, и у профессионалов

не каждая попытка удачная. Кругом позируют фламинго. Розовато-белая стая вальсирует на фоне заходящего солнца – почти как в книжках. И даже намного лучше. Вообще, создается ощущение нетронутой природы, таинственной и неисчерпаемой. Обман, конечно, но возбуждает.

Вдоль заболоченных пустошей стоят лавки. В них продаются горячие от солнца абрикосы и персики, а в сторонке лежат бутылки с местным вином. Усугубить же все можно устрицами из ближайшего супермаркета. Цены разумные, так что вечером со старушками опять должны быть проблемы...

Недалеко от Гранд Мотт в море впадает один из рукавов Роны. Туда надо приезжать часов так в семь утра. Весь берег усыпан французами с удочками. У каждого стульчик, кепка, сачок и бутылка. Сотни французов с лицами Бурвилей... Какие-то люди вылавливают веревки с мидиями. Мидии маленькие и, наверное, идут в суп. Все очень подлинное и очень не туристское.

Мы поехали в Арль, подсолнухи сопровождали нас всю дорогу, так что к Ван Гогу все было готово. Как ни странно, площадь с Ван Гоговским кафе в Арле не разочаровывает: краски чистые и теплые, света много, и синие скатерти очерчивают яркие желто-голубые стены. В Арле же проходит камаргуаз – это такой бой быков, без кровопролития. Двенадцать поджарых мужичков в белом гоняют абсолютно черного туземного быка по римской арене. Когда бык устает, его меняют на более свежего. Если бык поумнее и не бежит за мужиками, его тоже меняют. У каждого тореро в руках стригалка, а у быка что-то вплетено в челку. Вот это "что-то" и надо срезать. Глупые, если хотите настоящего зрелища – не в челку надо вплетать...

А вот Авиньон не так красив, как представлялось. Папский дворец снаружи смотрится очень маняще, но изнутри он мрачный и скучноватый. И сам город, несмотря на музыкальный фестиваль, не греет.

Во всем Провансе очень много римских раритетов. Может, для римлян это и была провинция, а для туристов – очень даже метрополия. Здесь нет такого давления греко-римской культуры, как в Турции, но есть вдохновляющие шедевры. Мы выбрали Понд-дю-Гар.

В Понд-дю-Гаре находится огромный римский акведук. Три яруса переброшены через горную речку, по которой скользят чистых цветов каяки. В пролетах синее небо ждет набегающих облаков. Зной. Акведук, небо, каяки – все отражается в воде. По реке бежит рябь от ветра и расходятся тончайших цветов круги. Вся картина начинает колебаться, дрожать, меняться – и потом снова восстанавливается. Почему это состояние природы породило "импрессионизм"? Ведь "импрессион" – это впечатление, а Ренуар, Моне – они не передавали впечатление, они передавали "ощущение".

Интересно, как по-французски звучал бы "ощущениенизм"? Может быть, ощущению Понд-дю-Гара созвучен как раз импрессионизм, а вяткинским лесам – конкретный суперреализм Шишкина? В любом случае, в Понд-дю-Гаре хотелось сохранить накопившие мысли, и, может быть, хорошо, что это удалось не полностью.

Общее ощущение от Прованса и всего, что его окружает, осталось ярким и солнечным. Мы были еще в Бо, средневековой деревушке среди меловых гор. Посмотрели по дороге романскую церковь. Проехали мимо Тараскона, где жил Тартарен, не успели в Оранж с его античным театром, не спустились в многочисленные гроты. К сожалению, мы приехали до цветения лаванды. Говорят, от буйства лавандовых полей дуреешь. Так что все эти "не" сливаются в картину будущей поездки.

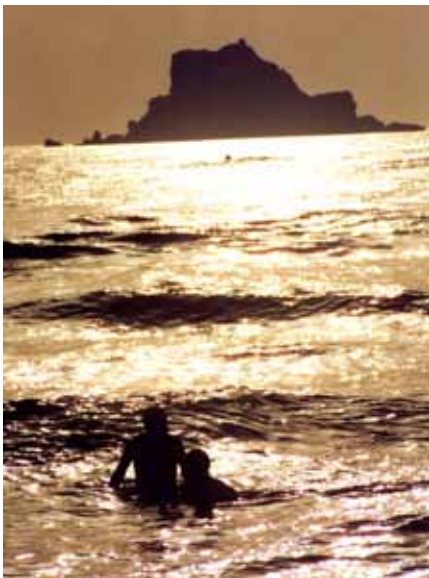
Следующей целью был район Каркассона, земли катаров. Каркассон – это туристский аттракцион высшего класса, издали – сказка сказкой: стены, башенки, ров, зубцы-бойницы. Не хватает лишь герольдов да всадников в броне и с перьями на шлемах. Вблизи эта сказка тает, и замок приобретает нормальные очертания. Но все же – есть в нем что-то искусственное, немножко – голливудское, слегка – довженковское. А вот собор Св. Назария, расположенный внутри городских стен, с его полумраком и оглушающими витражами так же естественен, как глоток вина в знойный провансальский полдень.

Катары-альбигойцы были мрачным, аскетическим, реакционным и, кажется, антисемитским течением. Все, что с ними связано, разрушено, кроме Каркассона и Альби. В районе Каркассона сохранилось пять-шесть руин катарских замков и, увидев их, Станиславский сразу сказал бы: "Верю!" Мрачные руины в окружении фруктовых садов и при полном отсутствии людей – это почти по-японски. Солнце выжигает все вокруг, и лишь здоровенным артишокам это нипочем.

Мы поехали по французскому департаменту Нижние Пиренеи к Лурду. Лурд, наряду с португальской Фатимой, итальянским Лоретто и польской Ченстоховой – место постоянного христианского паломничества к деве Марии. Санктуарий стоит на берегу быстрой пиренейской реки и поражает своими гигантскими масштабами.

Но не в масштабах дело. Воздух буквально пропитан верой в избавление от страданий, стекающих сюда со всех концов мира. Совместное движение тысяч людей, калейдоскоп рас и ряс создает напряжение, отзывающееся пульсированием в висках и покалыванием в кончиках пальцев. Но, вообще говоря, надо поехать туда, чтобы почувствовать атмосферу. И поездка эта психологически непростая.

Нижние Пиренеи сменяются Верхними, кульминацией которых является цирк Гаварни. Огромный, могучий хребет с острыми пиками вызывает желание остановиться и не спеша подумать о чем-то важном. Но думать, как известно, вредно...

Последняя неделя поездки была посвящена Каталонии. Поиски кемпинга привели в Эстартит – городок в бухте напротив скал Манес. С утра солнце встает над морем, и кажется, что вода превращается в расплавленное золото. Русалки наверняка где-то рядом скользят по волнам, покрытые золотой чешуей. Но с берега их не видно – зрение подводит...

Обычная программа для небольшой поездки в Каталонию стандартна: дорога Дали, Барселона, Монсеррат.

В этот приезд Барселона была почему-то вся плохо освещена. Великолепные поющие фонтаны у подножия холма Монж не горели, а только напоминали об остатках былой роскоши, Саграда Фамилия плыла темным силуэтом над городом, Барри Готика был в лесах, а Кафедральный собор не светился своим теплым желтым ночным светом. Лишь над бульваром Рамблес угадывались огни и жизнь. Днем он бурлил, как котел, но оставаться там почему-то не хотелось. Рамблес упирается в площадь Каталонии, где клубятся отвязные типы всех цветов радуги, напоминая о реалиях нового миропорядка. Самое же сильное ощущение осталось от Гауди – ну, это понятно – и от рынка Ла Бокерия, который был в ударе и блистал фруктовым изобилием и рыбными рядами а-ля Снейдерс, Иорданс и прочие средние и малые голландцы.

Недалеко от Монсеррата находятся два по-настоящему замечательных монастыря: Санта Креус и Пабле. Мы побывали в Пабле, и, в отличие от Монсеррата, он оправдывает свои мишленовские звездочки. Видно, что его мраморы направляла талантливая и вдохновенная рука, а алтарь – это поистине луч света в монастырском полумраке. Над центральным нефом парит на растяжках крест, и солнце, проникающее через боковые окна, создает иллюзию лица, смотрящего с алтаря на людей. В одном из залов находится удивительный, неожиданный музей, где великолепные скульптуры поражают фантазией и интерпретацией знакомых библейских образов.

Каталония немислима без дороги Дали. Помню, много лет назад в Ленинградском университете мы организовали вечер сюрреализма. Было это сложно и даже немного опасно, так как недремлющее партийное око всегда пребывало в полуоткрытом состоянии, и неизвестно было, какая дурь могла прийти в начальственные головы. Но, очевидно, привычное слово "реализм" успокоило:

реализм так реализм, что "соц", что "сюр" – в общем, пронесло. А вот Окуджавовскую "Мо-

литву", кстати, в том же мохнатом году в универе запретили. Так вот, Дали тогда впервые предстал как художник, а не как легенда. Это было неожиданно и интригующе. С годами чувство неожиданности прошло, а интрига осталась.

Дорога Дали начинается с Пубола – замка Галы Дали, что под Ла Бисбалом. Ла Бисбал – керамическая столица Каталонии, и бесконечные магазины и мастерские создают атмосферу праздника. Замок же Галы немного мрачен, что соответствует его истории.

Зато музей-театр Дали в Фигуэросе – это блеск и мощь одновременно. О нем так много писалось, что любое слово прозвучит повторением. Но рядом находится ювелирная коллекция Дали – и вот это было открытием. В полумраке появлялись причудливые формы золота и камней, причем в сочетаниях, для меня неожиданных, а мне казалось, что ничего неожиданного в камнях, кроме сотворенного природой, уже не придумать... Почему-то работы Дали напоминали о Бенвенутто Челлини – по крайней мере, о таком Челлини, каким его представил Дюма.

Из Фигуэроса надо ехать на гористый полуостров, на склоне которого, обращенном к морю, стоит монастырь Сан Педро де Роде. Монастырь – очень подлинный, довольно дикий и прекрасно вписывается в окружающую, еще более диковатую, природу. Трудно представить, что мы в полутора часах от Барселоны.

От монастыря можно попасть в Кадакес, на родину Дали. Городок этот – необыкновенной красоты – занимает чистейшую бухту. Мы напряглись и по узким неприветливым улочкам доехали до Форт Легата, где стоит дом Дали. Было уже темно, внутрь, конечно, не попали, но ветер, море и небо заменили на время какие-то конкретные впечатления. Меньше всего это место подходило для гениального сумасшедшего, но, видно, мы все же не до конца понимаем, где в мире подлинное, а где игра, и есть ли между ними грань.

С Каталонии началась прямая, но длинная обратная дорога. Двух дней для нее мало, но мы преуспели, и даже остановились посмотреть верховья Дуная в Швабии. С вершины горы открывался великолепный вид на долину, поля, барочный собор вдали. Вдруг над головами раздался шум, и над верхушками деревьев всплыл яркий воздушный шар. Люди на нем что-то радостно кричали нам, а мы отвечали, что они – на воздушном шаре... Всем было хорошо. Потом сверху что-то посыпалось и застучало по машинам. Это оказались конфеты.

Наконец настал черед навигатора. Умная машина съела координаты нашей мюнхенской базы, похрюкала и выдала первую команду: через 200 метров – налево, до цели 532 километра 49 метров. Пойди проверь! Но все равно – приятно, когда за тебя кто-то думает. Чувствуешь себя, как в детстве. Или как в армии.

Еще немного – и мы в Мюнхене, в доме друзей. Кольцо замкнулось, временно...

